

- ¹⁹ Приходная книга Устюжской четверти 1620/21 г. // Приходно-расходные книги... С. 332.
- ²⁰ Там же. С. 385.
- ²¹ См.: КР. Т. 1. Стб. 717 (1619/1620 г.) назван «Мусырской»; Стб. 762 (1620/1621 г. – «Мусорской»); Стб. 867 (1621/1622 г.); Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 456 (1619/1620 г.).
- ²² КР. Т. 1. Стб. 923 (1622/1623 г.).
- ²³ Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты. С. 68–69.
- ²⁴ См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древнехранилище, 2015. С. 31, 110, 188, 266, 341, 474.
- ²⁵ См.: Записные вотчинные книги... С. 698–699.
- ²⁶ Там же. С. 1120–1121.
- ²⁷ КР. Т. 1. Стб. 1032.
- ²⁸ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
- ²⁹ КР. Т. 1. Стб. 1138.
- ³⁰ См.: Записные вотчинные книги... С. 744, 799, 1055.
- ³¹ КР. Т. 1. Стб. 1244 ; ДР. Т. 1. Стб. 739.
- ³² См.: «Подлинный» боярский список 1626 г. // «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 9, 57.
- ³³ См.: ДР. Т. 1. Стб. 803.
- ³⁴ См.: Записные книги Московского стола : Записная книга Московского стола 1626, мая 5–1627, августа 31 // РИБ : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 470.
- ³⁵ См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 141, 218, 301, 382, 433, 493.
- ³⁶ См.: Описание городов Европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг / сост. Т. Б. Соловьева, Л. А. Тимошина. М., 2005. С. 193.
- ³⁷ См.: Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 19 апреля 1629 г.) / предисл. В. Лебедева ; подгот. публ. В. И. Троицкого // Красный архив : исторический журнал. 1940. Т. 4 (101). М., 1940. С. 210.
- ³⁸ См.: Записные вотчинные книги... С. 250–251, 463–464, 1270.
- ³⁹ См.: КР. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 739.
- ⁴⁰ См.: Записные вотчинные книги... С. 328.
- ⁴¹ Там же. С. 1264.
- ⁴² КР. Т. 2. Стб. 814.
- ⁴³ Записные вотчинные книги... С. 1120–1121 ; Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина : в 2 ч. Ч. 1. М., 1884. Стб. 528.
- ⁴⁴ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1978. Вып. XII. С. 79.
- ⁴⁵ Там же. С. 84.
- ⁴⁶ См.: Записные вотчинные книги... С. 799.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Петр Иванович Мусорский: страницы биографии // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 377–384. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-377-384.

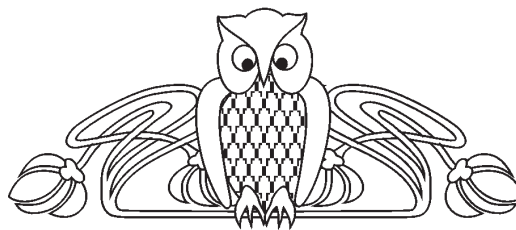
УДК 94(47).072

«НОВЫЙ ВЗГЛЯД» НА РУССКУЮ КАМПАНИЮ НАПОЛЕОНА В КНИГАХ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИКА

К. Б. Жучков

Псковский государственный университет
E-mail: Zhuchkov.konstantin@rambler.ru

Во время 200-летнего юбилея войны 1812 г. в России вышло несколько работ зарубежных авторов. Среди них книга французской исследовательницы М.-П. Рей. Несмотря на заявленный в названии книги «новый взгляд» на войну, автор остается на устаревших антирусских позициях, которые находят поддержку в современном европейском взгляде на русскую историю. Книга М.-П. Рей рассказывает не об истории войны 1812 г., а о «страданиях» французских солдат в «варварской» России. При анализе книга французского историка лишена фактической исторической основы и является переложением старых антирусских мифов. То же самое можно утверждать и о главах ее книги об Александре I, касающихся войны 1812 г.

Ключевые слова: Русский поход Наполеона, зарубежная историография эпохи 1812 г., французский историк М.-П. Рей.

«A New View» on Napoleon's Russian Campaign in the Books of a French Historian

K. B. Zhuchkov

During the 200th anniversary of the war of 1812, some works of foreign authors were published in Russia. Among them was the book of a French researcher M.-P. Rey. Despite the declared in the title «new view» on the war, the author remains on the outdated anti-Russian positions which find support in a modern European view on Russian history. M.-P. Rey's book tells not about the history of the war of 1812, but about the «sufferings» of the French soldiers in «barbarous»

Russia. The analysis of the French historian's book makes it possible to conclude that it is deprived of the actual historical basis and can be called a transposition of the old anti-Russian myths. The same can be referred to the chapters of the book dedicated to Alexander I, concerning the war of 1812.

Key words: Napoleon's Russian campaign, foreign historiography of the epoch of 1812, French historian M.-P. Rey.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-384-390

Книги известной в России французской исследовательницы Мари-Пьер Рей¹, изданные на русском языке во время 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., в целом получили благожелательные отклики среди российских специалистов². Отмечая в общем положительные качества книг, созданных М.-П. Рей, необходимо признать, что во многом это действительно новаторские для западных историков труды по эпохе 1812 г., в том числе по вопросам, касающимся политических, дипломатических и социальных аспектов темы.

Недавно Л. Л. Ивченко высказала справедливую мысль, что «для многих, занимающихся проблемами наполеоновских войн, единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, обозначаемой как «лжепатриотизм», под которым подразумевается нечто специфическое и свойственное только отечественной историографии»³. Историк сказала это по поводу того, что националистическая мифология зародилась в наполеоновскую эпоху во всех национальных государствах Европы и является важной составляющей современных европейских исторических школ. Однако проблема современного противоборства исторических школ относительно Русского похода кажется глубже. Спор по многим вопросам эпохи 1812 г. часто не научная дискуссия, а идеологическая «война», где каждая из сторон отстаивает свои цивилизационные мифы. В этой войне фактические или теоретические ошибки, как и недостаточное знание исторического материала, не играют никакой роли. В конечном счете «историографический» вопрос в том, кто кого распропагандирует.

М.-П. Рей позиционирует свою книгу о Русском походе как «новый взгляд на 1812 год». Этот «новый» взгляд автор объясняет тем, что ей, автору, «захотелось показать читателю 1812 год с новой стороны, в глобальной перспективе (выходящей за рамки собственно военных аспектов), объединив французскую и русскую точки зрения и учitando при этом все то, что прочувствовали и пережили военные и гражданские лица, прошедшие это испытание». М.-П. Рей заявляет, что историки «не смогли передать в полной мере накал, жестокость и исключительность войны 1812 года», а, кроме того, «историки редко пытались сравнивать зачастую противоположные взгляды на одни и те же события». М.-П. Рей

«кажется, что человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания... и не всегда отдавали себе отчет о чувствах участников и свидетелей событий»⁴.

Кажется, «новое» прочтение Русского похода, вынесенное в подзаголовки на обложку книги, является простым коммерческим трюком. «Человеческое измерение войны», если можно такое абстрактное, туманное и ни о чем не говорящее понятие применить к описанию военных действий, просто является лишним обозначением одной из частей всей совокупности военно-исторических фактов о войне. Тем более что о страданиях и жертвах войны 1812 г., эпических масштабах разрушений и бедствий, которые она принесла русскому народу, посвящены тонны печатной бумаги.

При знакомстве с исследованием французского историка привлекает внимание список источников и литературы. Так, М.-П. Рей везде называет Российскую национальную библиотеку Императорской⁵. Приводя исследованные по войне 1812 г. архивохранилища, автор называет Государственный архив Российской Федерации (который почему-то называется национальным) и Российский государственный архив древних актов⁶, конечно, М.-П. Рей среди источников указывает Российский государственный военно-исторический архив. Она не посещала их лично, но могла смотреть микрофильмы архивных дел из фонда Военно-ученого архива (ВУА), доступные в Русском центре Иллинойского университета. Однако никаких ссылок на материалы этих архивов во всей книге нет. В тексте есть только пять ссылок на «архивные» документы без указания реквизитов. Кроме того, в тексте дано несколько ссылок на документы, опубликованные в рамках интернет-проекта «1812»⁷, причем автор почему-то считает, что там размещено «много неизданных документов» Отечественной войны⁸. Представление автора о российских архивах говорит тот факт, что М.-П. Рей называет «Военным архивом» Отдел рукописей РНБ⁹. Кажется, описание как будто бы использованных российских архивов призвано затушевать отсутствие такой работы. Нет ничего зазорного в том, что историк не смог воспользоваться специализированным по теме архивом. Однако стремление выдать несуществующую архивную работу за действительную является желанием ввести в заблуждение читателя и придать своей книге «авторитетность».

Станным выглядит и большая часть ссылок на использованную литературу. Так, например, мемуары А. Коленкура и Ф. Сегюра цитируются по французскому изданию книги американского журналиста Куртиса Кейта. Причем А. Коленкур цитируется и по отрывкам Кейта, и по отрывкам книги К. Грюнвальда. Возникает впечатление, что М.-П. Рей не знает французской книги знаменитого шталмейстера. Поэтому неудивительно, что автор не представляет себе, кто такой

сам Арман Коленкур, поскольку считает его «крупным кавалерийским начальником Наполеона». М.-П. Рей путает его с родным братом, Огюстом Коленкуром, погибшим при Бородино. Документы М. И. Кутузова цитируются по книге французского романиста Э. Марко Сент-Илера¹⁰. В конце концов, наибольшее количество ссылок у М.-П. Рей приходится на опусы американского журналиста и французского беллетриста, которые, собственно, и являются «источниковой» базой труда М.-П. Рей, не только в военно-историческом, но и в «страноведческо-цивилизационном» плане.

Помимо того, что сведения о России и Русском походе черпаются из американских фельетонов и французских второсортных романов, М.-П. Рей все время оценивает военно-политическую ситуацию 1812 г. с точки зрения нынешнего жителя Евросоюза. Рассказывая о формировании литовских войск и попытке Наполеона образовать вассальное Литовское государство, она утверждает, что французский император создал «национальную литовскую армию», чтобы «хотя бы символически представить ее (Литву) независимой»¹¹. Однако литовские вооруженные формирования получали общую нумерацию с польскими войсками, а само «Литовское государство» становилось частью Общей Конфедерации Польши. Да, собственно говоря, в 1812 г. литовские губернии не воспринимались как автономное историческое образование. Общеупотребительным языком в литовских губерниях был польский, делопроизводство в «новой Литве» было польским и на польском языке, вероисповедание – католическим. Поэтому говорить о «национальной литовской армии» или о «независимом Литовском государстве» в 1812 г. неправомерно.

М.-П. Рей пишет, что «40 тысяч литовцев стали служить (французской) империи с энтузиазмом»¹². Но литовские войска так и не были набраны и сформированы полностью до конца 1812 г., при столкновениях с русскими войсками они просто бежали с поля боя или сдавались в плен. Численность всех литовских войск в процессе формирования исчислялась в 19 тыс. чел., налицо же их состояло в начале ноября 1812 г. около 12 тыс. человек¹³. Точно выразил «энтузиазм» к французской оккупации подкомиссар Смолевичского продовольственного магазина Николай Янковский. Избитый до полусмерти при ограблении магазина французскими солдатами, он заявил, что век будет помнить «освобождение и возрождение отечества»¹⁴.

На протяжении всей книги о 1812 г. М.-П. Рей ссылается на Р. Вильсона, называя его «членом генерального штаба Александра I», считая его «дипломатом, доверенным лицом Александра I»¹⁵. Между тем именно Вильсон в своих записках стал главным проводником антикутузовских и антирусских идей. Приехав в Главную квартиру русской армии 13 сентября 1812 г.,

Вильсон быстро стал приятелем Л. Л. Беннигсена и вошел в кружок недовольных фельдмаршалом генералов, каждый из которых преследовал свои корыстные цели. Английский агент стал проводником их интриг в письмах императору. Вильсон, имевший право писать напрямую царю, начал досаждать тому сплетнями и небывлицами о Кутузове, особенно напирая на его якобы старческую немощь, нежелание руководить войсками, медлительность, боязнь противника. Эти обвинения едва не поколебали Александра после известия о переговорах М. И. Кутузова с Ж. Лористоном 23 сентября 1812 года. В тот момент фельдмаршала у императора отстояли П. А. Зубов, А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, А. Д. Балашев и Б. Ф. Кнорринг¹⁶ и, видимо, Н. П. Румянцев, Н. И. Салтыков и П. М. Волконский.

История доноса Вильсона на Кутузова о переговорах последнего с Лористоном показательна для понимания поведения английского агента в ставке Кутузова. Вместе с тем этот эпизод красноречиво характеризует представление М.-П. Рей о самом Кутузове: «Желая знать истинные намерения Наполеона, он (Кутузов) решил, с согласия Волконского, встретиться с Лористоном ночью, в укромном месте, у русских передовых постов»¹⁷. Между тем эпизод встречи Кутузова с Лористоном в избе, в которой квартировал фельдмаршал в Леташевке, описан во множестве источников, в том числе самим Вильсоном, на книгу которого постоянно ссылается автор¹⁸.

М.-П. Рей постоянно напоминает о том, что император «ненавидел и презирал» Кутузова, «питал к нему отвращение»¹⁹. Александр «гневался» на Кутузова за его действия²⁰. Даже несмотря на победоносное окончание войны «отношения Александра I и Кутузова по-прежнему отмечены недоброжелательностью»²¹. Между тем Александр не просто не ненавидел или презирал Кутузова, но и прямо ему доверял.

Об этом говорит тот факт, что все сотрудники главной квартиры главнокомандующего были убеждены в том, что Александр возвращал Кутузову все написанные на него доносы. А. П. Ермолов в воспоминаниях писал: «... Узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма...». Ему вторит другой сотрудник Главной квартиры А. А. Щербинин: «Вскоре после Тарутинского сражения Кутузов получил от Государя письмо, которое послано было Беннигсеном Его Величеству. В этом письме заключался донос на Кутузова...» Об этом же свидетельствует А. И. Михайловский-Данилевский: «Фельдмаршал до такой степени пользовался доверенностью государя, что император посылал к нему обратно письма партикулярно от различных генералов из армии к особе е. в. писанные». Еще один квартирмейстерский офицер подтверждает их догадки: «Позднее, во

время дела при Тарутине, Кутузов стал больше в милости; он узнавал об интригах Беннигсена непосредственно от императора. Кутузов, в своей хитрости, не подавал виду, что он получал обратно доносы Беннигсена императору». «Он (император) утвердил представление князя Кутузова, препроводил к нему шпагу с лаврами и 100 тыс. рублей для Беннигсена и вместе с тем прислал донос его (Беннигсена на Кутузова)»²².

«Нелюбовь» Александра к Кутузову заставляет М.-П. Рей дать неприглядную характеристику фельдмаршалу: «Одноглазый, тучный и почти что немощный Кутузов был известен своей ленью, придворным раболепием, вкусом к роскоши – даже во время кампаний при приеме пищи он пользовался серебряной посудой и любовными утехами»²³. Возникает вопрос, как, каким образом, Александр, характер и личность которого М.-П. Рей все же основательно изучила (судя по ее книге об Александре), мог в драматическую минуту существования Российского государства назначить для его спасения немощного, ленивого, раболепного развратника.

Несколькими строками ниже, однако, М.-П. Рей говорит что «харизматичный, опытный и храбрый Кутузов был в состоянии сплотить армию лучше, нежели это сумел сделать несчастный Барклай»²⁴. М.-П. Рей дает не цельную характеристику полководцу, вытекавшую бы из ее, исследовательницы, изучения обстоятельств, в которых находился Кутузов в 1812 г., а следует просто характеристика его недругов, а при необходимости подправить «логическую» связь своих рассуждений просто вставляет в свои рассуждения необходимые ей лоскутки «правдоподобия». Это «правдоподобие» рассказов западных ученых о российской истории и есть методологическая основа антирусской традиции западной историографии об эпохе 1812 года. То есть это то «правдоподобие», к которому привык западный читатель.

Следование М.-П. Рей в колее антирусской мифологии особенно ярко проявляется в некритичном повторении всяческих домыслов и небылиц, сопровождающих обыкновенно рассказы о войне, сами по себе которые являются или политически пропагандистскими, или весьма преувеличенными рассказами участников, пытающихся разжалобить своих читателей. Однако под пером М.-П. Рей все эти «анекдоты» так и становятся в систему неких доказательств. Эти «доказательства» варварства русских, беспричинно жестоких и кровожадных чуть ли не прозывают книгу.

«После того, как у них все отбирали, пленных часто казнили на месте, закапывая или сжигая заживо, или передавали их крестьянам, которые, подвергнув их пыткам, казнили их, часто с языческими ритуалами». «Двигаясь по главной дороге... увидели толпу крестьянок с палками в руках, прыгающих вокруг срубленной

сосны, на каждой стороне которой лежало около шестидесяти обнаженных пленников, распостертых, с головами на дереве эти фурии били их по головам в такт национальной мелодии или песне, которую они хором вопили». «В этот день в Вязьме около 60 пленников были погребены заживо в ямах, которые их заставили выкопать». «Я видел, как французского пленника за двадцать рублей продали крестьянам, которые крестили его при помощи котла с кипятком, а потом, еще живого, насадили на кусок острого железа». И резюме М.-П. Рей: «Эти варварские пытки и систематические убийства пленников вызвали возмущение Вильсона»²⁵.

С нашей точки зрения, все эти пассажи в мемуарах военнотружущих французской армии являются просто выдумками, преследовавшими различные цели: разжалобить своих западных читателей, привлечь внимание к своим бедам и невзгодам, получить пенсию или субсидию, вызвать «уважение» пережитыми страданиями своих потомков. Крестьяне, возможно, казнили французских мародеров, или, вернее, избивали их, если была для этого возможность, но вряд ли они придумывали какие-то замысловатые казни. Очевидно, что никакие крестьяне не будут покупать за 20 рублей французского пленного, чтобы его казнить. Однако исследовательница ни словом не обмолвилась ни про расстрелы в Москве, ни убийства русских пленных французами просто из нежелания их кормить и лечить.

В продолжение темы «жестокости» русских «варваров» М.-П. Рей описывает убийства французских больных. «В госпиталях Вильны были оставлены 5 тысяч раненых и больных; кроме того, около 10 тысяч солдат, в том числе отставшие и не способные двинуться в путь, стали жертвами казаков Платова»²⁶. «Убийство» казаками 15 тыс. французских больных и отсталых в Вильно, конечно, не соответствует действительности. Во-первых, не понятно, зачем это им, казакам, нужно. Чтобы самим заразиться тифом и дизентерией? Во-вторых, казаки в Вильно и не заходили. Казачий корпус М. И. Платова 28 ноября 1812 г. обошел город с юга и продолжил преследовать отступающую французскую армию, авангард И. Е. Чаплица, в котором были казачьи полки, вошедший для занятия города, через несколько часов также продолжил наступление.

М.-П. Рей для убедительности приводит «свидетельство» француза на русской службе: «Явившись туда (в госпиталь в Базилианском монастыре), мы стали свидетелями ужасного зрелища: из окон всех этажей этого огромного здания выбрасывали не только трупы, но и еще дышавших людей, чтобы, как нам было сказано, освободить место для русских раненых и больных, которые, в самом деле, прибывали в ужасающих количествах»²⁷. Во-первых, «из окон всех этажей» – сильно сказано, потому что Базилианский монастырь имеет до сегодняшне-

го дня два этажа. Во-вторых, откуда в Вильно могли прибывать русские раненые и больные «в ужасающих количествах»? Ну и самое главное, французский военный хирург Карпон, находившийся как раз в это самое время именно в госпитале Базилианского монастыря, свидетельствует, что тела умерших в окна выбрасывали сами французские больные для освобождения переполненных комнат²⁸.

В госпиталях Вильно на момент занятия города русскими войсками находилось не менее 15 тыс. больных французской армии. При этом все они были обречены на равнодушие и безразличие французских властей, бросивших своих больных и раненых людей на произвол судьбы. Вот о чем свидетельствует французский врач Бертран, осматривавший один из виленских госпиталей еще до прихода русских: «Больные валялись в коридорах на снопах полусгнившей соломы или прямо на голом полу, ничем не прикрытые, в невыразимой грязи, так как они испражнялись и мочились под себя, и никто не убирал нечистот. Несколько, только что вставших после болезни и еще шатающихся солдат кое-как исполняли обязанности служителей. Ничтожное количество крайне плохого мяса и хлеба было разделено между больными без всякого порядка. Не было необходимых лекарств, например рвотного»²⁹. В патологоанатомическом кабинете клиники О. Франка в Вильно, в которой был устроен госпиталь, французские больные выпили спирт и употребили в пищу патологоанатомические препараты³⁰. Это происходило в то время, когда склады в Вильно буквально ломались от хлеба.

Вообще останавливаться на подробностях книги М.-П. Рей и посвящать ей развернутую критику невозможно, потому что вопросы возникают на каждой странице. Помимо некритичного отношения к источникам, автор плохо представляет военно-исторические подробности событий и карту военных действий. Все сказанное вместе создает в книге смесь «информации», которую почти невозможно «анализировать».

Вот М.-П. Рей пишет: «Обычно пехотинцы, делая 76 шагов в минуту, проходили за день 20–25 км»³¹. Однако 76 шагов в минуту – это так называемый «ординарный шаг», который использовался на поле боя, а походный шаг составлял 85–90 шагов в минуту³².

Александр I 26 июня 1812 г. из Вильно отправился в Петербург³³. Нет, царь уехал из армии ночью с 6-го на 7-е июля 1812 г., и не из Вильно, а из Полоцка, и не в Петербург, а в Москву³⁴.

20 августа М. Б. Барклай де Толли покинул пост командующего 1-й Западной армии³⁵. Ничего подобного, конечно. М. Б. Барклай де Толли написал рапорт об увольнении 19 сентября 1812 г., а уехал из армии 22 сентября 1812 г., так что никто его с поста командующего 1-й армией не смещал³⁶.

«Кутузов отсутствовал на поле боя» при Бородине³⁷. Во время Бородинского сражения Кутузов

находился на высоте около д. Горки³⁸, которая находилась ближе к линии столкновения, нежели курган у д. Шевардино, где пребывал Наполеон³⁹.

Русская армия, обманув О. Себастиани на Рязанской дороге, «свернула к югу, в направлении к Тарутино»⁴⁰. Русская армия 4 сентября 1812 г. свернула с Рязанской дороги не на юг, а на запад, и не на Тарутино, а на Подольск⁴¹.

«Вскоре после полуночи 23 октября к Кутузову во весь опор примчался штабной офицер из 6-го корпуса»⁴². Дежурный штаб-офицер 6-го корпуса Д. Бологовский ночью с 10-го на 11-е октября, имея несколько заводных лошадей, под проливным дождем проехал расстояние в 15 км за 5–6 часов⁴³.

Рассказывая о военных событиях, автор обращает внимание на различные мелочи, тогда как упускает из виду содержательные, объясняющие логику этих событий, факты. «Одержав победу над отрядом графа Палена, Удино сумел оттеснить русских на правый берег реки и сохранить контроль над Борисовским мостом»⁴⁴. Но мост через Березину был тогда же сожжен П. В. Чичаговым, тем более выражение «сохранить контроль» означает, что Ш. Удино мостом уже владел, что тоже неверно⁴⁵. М.-П. Рей подробно «описывает» постройку мостов у д. Студянка и начавшуюся переправу Великой армии, однако ни словом не обмолвилась о 40-орудийной батарее, поставленной Наполеоном для прикрытия постройки мостов и перехода войск, которая мгновенно подавила сопротивление русских на правом берегу⁴⁶.

Продолжая тему страдания французской армии, автор говорит: «Сотни, а затем и тысячи мужчин, женщин и детей... падали в ледяную реку и тонули, некоторым перерезали шею льдины»⁴⁷. «Пальцы ломались как стеклянные, носы и уши, охваченные гангреной, порой отваливались. В некоторых текстах есть намеки на потерю половых органов»⁴⁸.

«Описание» М.-П. Рей «страданий» французской армии на протяжении всей книги становится настолько «обыденным», что автор вынуждена прибегнуть к «усилению» впечатления, производимого «описанием» этих «страданий» у читателя. И это «усиление» приводит ее к необходимости приводить неправдоподобные «факты», противоречащие законам природы.

Вот как исследовательница, например, описывает военные события: «Наполеон приказал возглавить арьергард Виктору, чьи войска были усилены баварскими частями генерала фон Вреде»⁴⁹. Поскольку М.-П. Рей не указывает даты событий, ею «описываемых», ее утверждения зачастую становятся просто повисающими в воздухе, делая и без того малопонятную военно-историческую картину вовсе лишенной событийно-логической связи. Фразы, содержащие имена и топонимы, у М.-П. Рей не несут никакой связи с окружающим миром и являются просто укра-

шениями абзацев. Читателю приходится только предполагать, что автор имеет в виду. Между тем никаких распоряжений о вступлении в арьергард К. Виктора К. Вреде от Наполеона не получал. 9-го декабря 1812 г. он получил через А. Бертье приказ И. Мюрата о поступлении его в арьергард в подчинение М. Нея, а не Виктора⁵⁰.

По мнению М.-П. Рей, Г. Маре, «желая спасти выживших солдат Великой армии от нападений казаков Платова... решил... послать им на помощь часть своей резервной армии. Кроме дивизии генерала Луазона, это 10-тысячное войско включало в себя 2 бригады неаполитанских пеших егерей и почетного караула под командованием генералов Кутара и Франчески»⁵¹. Никакой «резервной армии» у Г. Маре не было. Неаполитанской гвардейской кавалерийской бригадой командовал генерал Ф. Пепе⁵². Генерал Л. Кутар командовал 3-й бригадой 28-й дивизии и находился в это время в Вилейке⁵³ за 128 верст от Вильно, а генерал Ж. Франчески, командовавший маршевой кавалерийской бригадой, был отправлен генералом Вреде во 2-й корпус еще 13 ноября⁵⁴.

«Столкнувшись с такой враждебностью (жителей), уже 3 января Мюрат, Бертье и Макдональд приняли решение о выводе войск из Кёнигсберга»⁵⁵. Мюрат, Бертье и Ж. Макдональд не находились вместе в Кенигсберге. Мюрат и Бертье покинули город 1 января 1813 г. при известии о Таурогенской конвенции, когда сам Макдональд находился в Тильзите за 200 км. Макдональд прибыл в Кенигсберг 3 января 1813 г.⁵⁶ и оставил город не по причине «враждебности жителей», а под натиском русских войск, в ночь с 3-го на 4-е января.

И, наконец, М.-П. Рей пишет: «В это время на территории Российской империи уже не оставалось солдат Великой армии, кроме десятков тысяч военнопленных на Урале, и, с точки зрения как Кутузова, так и многих влиятельных людей, например, Шишкова, Россия нуждалась в мире. Их аргументы были, прежде всего, политическими: в новых войнах опять прольется русская кровь, и поскольку стране враг больше не угрожает, народ не поймет этих войн, единение царя с народом, выкованное в трудностях и невзгодах, исчезнет. Назывались и геополитические причины: как мы уже говорили, с точки зрения Кутузова, падение Наполеона было выгодно не России, а Англии... Кроме того, с точки зрения фельдмаршала, будущее России и ее истинные интересы находились не в Европе, а в Османской империи и Азии...»⁵⁷

Весь этот пассаж М.-П. Рей представляет собой просто фантазию. Ну, во-первых, никаких «десятков тысяч пленных» никогда не бывало на Урале. Неизвестны подобные высказывания и «аргументы» ни Кутузова, ни А. С. Шишкова, тем более так подробно описанные автором, ни против, ни за продолжение войны. М.-П. Рей говорит в том числе и в русле современной евро-

пейской парадигмы: Россия – азиатская страна, и ее интересы в Азии.

Книги М.-П. Рей свидетельствуют о прочном бытовании в сфере исторических исследований традиционных антирусских, а по сути, антиисторических воззрений, как на историю эпохи 1812 г., так и на исторические, а в целом и на повседневные, реалии российской жизни. Тиражирование таких «научных» работ не только придает им «авторитетность», но и распространяет и «освящает» неправильные представления об эпохе 1812 г. в околонучной и в научной среде. Представляется, что историческая критика должна подобные «исследования» последовательно выводить из научного оборота, тем самым лишая популярно-исторические и политические дискуссии, особенно популярные в нашей стране на фоне современной внешнеполитической парадигмы, неправомочных «исторических» аргументов.

Примечания

- 1 См.: *Рей М.-П.* Александр I. М., 2013; *Рей М.-П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.
- 2 *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013. С. 365, 369; *Канинская Г. Н.* «Северный сфинкс» глазами французского историка (О книге М.-П. Рей «Александр I») // Французский ежегодник 2010. М., 2010. С. 458–463; *Чудинов А. В.* О «глобализации» в историографии войны 1812 года (размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник 2013. М., 2013. С. 61–74; *Ивченко Л. Л.* Проблемы современной российской историографии наполеоновских войн // Эпоха 1812 года. XII: сборник материалов. М., 2014. С. 342–362.
- 3 *Ивченко Л. Л.* М. И. Кутузов в отечественной историографии 2000–2012 годов // 1812 год. Люди и события великой эпохи: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 19–20 апреля 2012 г.). М., 2013. С. 111.
- 4 *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 7–9.
- 5 См.: *Рей М.-П.* Александр I. С. 5; *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 10, 84 (с. 269, примеч. 29), 159 (с. 281, примеч. 95), 188 (с. 285, примеч. 5), 257 (примеч. 12), 268 (примеч. 28), 279 (примеч. 44).
- 6 См.: *Рей М.-П.* Страшная трагедия... С. 10, 295.
- 7 Там же. С. 156 (с. 280, примеч. 82), 165 (с. 282, примеч. 113), 213–214 (с. 289, примеч. 23), 240–241 (с. 292, примеч. 56), 242 (с. 293, примеч. 60).
- 8 Там же. С. 293 (примеч. 60); *Рей М.-П.* Александр I. С. 462 (примеч. 392).
- 9 См.: *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 257 (примеч. 12).
- 10 Там же. С. 32 (с. 260, примеч. 41), 36 (с. 261, примеч. 52), 131 (с. 276, примеч. 87); *Рей М.-П.* Александр I. С. 267.
- 11 *Рей М.-П.* Страшная трагедия... С. 86.
- 12 Там же. С. 45.
- 13 См.: *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 209–217; *Iwaskiewicz J.* Litwa w roku 1812. Krakow i Warszawa, 1912. S. 368–369, 372.

- ¹⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильна, 1912. С. 474.
- ¹⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 117, 148, 198.
- ¹⁶ См.: *Воейков А. Ф.* Отрывок из статьи // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278.
- ¹⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 147–148.
- ¹⁸ См.: *Вильсон Р.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 168–169.
- ¹⁹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 105, 115; Рей М.-П. Александр I. С. 271.
- ²⁰ См.: Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 213, 135, 155.
- ²¹ Там же. С. 239.
- ²² *Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 215; *Щербинин А. А.* Записки // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно, 1900. С. 43; *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки. 1812 год // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Октябрь. С. 159; *Diest H.* Aus der Zeit der Not und Befreiung Deutschlands in den Jahren 1806 bis 1815. Hrsg. v. G. v. Diest. Berlin, 1905. S. 157; *Воейков А. Ф.* Отрывок из статьи // Бумаги... собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. С. 279.
- ²³ Рей М.-П. Александр I. С. 271–272.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 201–202.
- ²⁶ Там же. С. 235.
- ²⁷ Там же. С. 237.
- ²⁸ См.: *Revue Napoléonienne.* Т. IV. Avril-septembre. Rome, 1903. P. 186–189.
- ²⁹ *Бернацкий Н. Н.* События в Вильне во время Отечественной войны. Вильна, 1912. С. 134–135.
- ³⁰ Вильна и окрестности. Вильна, 1883. С. 114.
- ³¹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 68.
- ³² *Reglement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791.* Paris, 1792. P. 21, 144; *Manuel de l'infanterie.* 4ème éd. Paris, 1813. P. 90, 92, 94.
- ³³ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 74.
- ³⁴ *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 52.
- ³⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 106.
- ³⁶ М. И. Кутузов. Сб. документов : в 5 т. Т. IV, ч. 1. М., 1954. С. 331–332; *Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1812-го года. СПб., 1912. С. 42; *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. С. 144.
- ³⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 123.
- ³⁸ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 368, 377, 396, 398, 399.
- ³⁹ *Schuermans A.* Itinéraire general de Napoléon Ier. Paris, 1908. P. 307–308.
- ⁴⁰ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 156.
- ⁴¹ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч. 1. С. 239.
- ⁴² Там же. С. 175.
- ⁴³ *Понов А. Н.* От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 25.
- ⁴⁴ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 215.
- ⁴⁵ *Харкевич В. И.* 1812 г. Березина. СПб., 1893. С. 105.
- ⁴⁶ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 217–219.
- ⁴⁷ Там же. С. 220.
- ⁴⁸ Там же. С. 227.
- ⁴⁹ Там же. С. 229.
- ⁵⁰ *Voelderndorff E.* Observation sur l'ouvrage de Mr. le Comte Ph. de Ségur. Munic, 1826. P. 148; *Sauzey A.* Les Allemands sous les Aigles françaises. Т. V. Paris, 1910. P. 257.
- ⁵¹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 230.
- ⁵² *Capello G.* Gli Italiani in Russia nel 1812. Castello, 1912. S. 323–325.
- ⁵³ *Krauss Th.* Geschichte der bayerischen Heeresabteilung im Feldzug gegen Russland 1812. Augsburg, 1857. S. 188–191.
- ⁵⁴ *Völderndorffu. Waradein E.* Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian Joseph I. Bd. 3. München, 1826. S. 276.
- ⁵⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 242.
- ⁵⁶ *Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. Т. 1. Paris, 1910. P. 271–282.
- ⁵⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 242.

Образец для цитирования:

Жучков К. Б. «Новый взгляд» на русскую кампанию Наполеона в книгах французского историка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 384–390. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-384-390.